

Опубликованная в прошлом номере «Вестника МГИМО-Университета» статья А.И. Подберезкина вызвала интерес научной общественности России и за ее пределами. Журнал начинает публикацию статей других авторов, в которых подтверждаются, дополняются, развиваются, уточняются, применяются к новым феноменам современной жизни идеи, высказанные в исходной работе.

Человеческие ресурсы российской модернизации: к новой парадигме исследования

Н.Н. Зарубина

В статье рассматриваются особенности модернизации современной России, обусловленные проявлением социокультурных черт постмодерна в российском обществе. Исследуются эмпирические факты, подтверждающие наличие постмодернистских тенденций в современной России. Обосновывается необходимость новой парадигмы исследования человеческих ресурсов модернизации.

Новый этап модернизации России требует ответа на вопрос о готовности человеческих ресурсов к решению стоящих перед обществом задач. Предпринимаемые социологами исследования и даваемые ими экспертные оценки базируются на использовании парадигмы модернизации, созданной еще в середине XX века на материалах модернизации слаборазвитых и развивающихся обществ Азии, Африки, Латинской Америки и ретроспективных исследованиях модернизации Запада. Введенная тогда в научный обиход бинарная оппозиция «традиционного/современного» («восточного/западного») продолжает и сейчас служить моделью для характеристики человеческого потенциала и его готовности к модернизации, хотя принципиально изменились и условия, и цели развития человечества.

Может ли парадигма исследования, созданная в условиях и для изучения классического индустриального

модерна, продолжать быть полностью адекватной потребностям современных исследований? В начале XXI века правомерно ли продолжать оценивать человеческие ресурсы российской модернизации с точки зрения их адекватности западным образцам и «традиционности/современности»? Не изменились ли сами реальные условия модернизации настолько, что не критическое использование прежних подходов дает не точную картину перспектив и рисков развития России?

Готовность человеческих ресурсов России к модернизации в оценках социологов

С первичной модернизацией Запада неразрывно связано утверждение *культуры модернити*, особенностей которой написано огромное количество работ как в нашей стране, так и за рубежом¹. Социологи разработали специальные методики

Зарубина Наталья Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД России; статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, гранты 09-06-00434 и 10-06-00424.

оценки степени «модернизированности» общества и менталитета людей — состояния человеческих ресурсов модернизации. Одной из наиболее известных и популярных является методика Г. Хофстеда, определяющая степень вестернизации (с которой отождествляют модернизацию) ментальности по четырем параметрам — «индивидуализму», «дистанции власти», «избеганию риска» и «маскулинности/женственности» (развитию «мужской» достигательной этики).

Проведенные по этой методике попытки найти место России на «ментальной карте» мира, определить степень готовности народа к экономической модернизации на рубеже XX-XXI вв. показывали его близость к восточному типу менталитета, недостаточную вестернизированность, а, значит, и отставание в модернизации. «Хозяйственная культура россиян допускает освоение ими рыночного хозяйства, но только не в классической, «западной», а в периферийной, «восточной», модификации. Россия — скорее «Азиопа», чем Евразия»² — писали по этому поводу Н.В. Латова и Ю.В. Латов. Из этого делались выводы, что для России больше подходит восточный, «конфуцианский» тип развития.

Отечественные исследователи российской модернизации конца XX — начала XXI в. фактически игнорировали достижения теорий модернизации середины XX века. Уже тогда была показана ограниченность подхода к модернизационному потенциалу общества с позиций противопоставления эндогенных социокультурных особенностей западным ценностям и институтам, безоговорочно принимаемым за образцы. Ш. Эйзенштадт, Д. Белл, А. Турен, А. Абдель-Малек, М. Сингер и другие исследователи в своих трудах доказали возможность большого социокультурного и ментального разнообразия реальных модернизационных преобразований в разных региональных и цивилизационных контекстах³.

Исследования готовности российского общества к модернизации в конце первого десятилетия XXI в. проводятся уже в иных условиях, чем те, когда создавались классические теории модернизации. Современная модернизация ориентирована на переход к постиндустриальным типам развития, а, значит, должна ориентироваться не столько на культуру модерни, сколько на условия постмодерна, в которых развивается современная экономика. Однако исследователи по-прежнему принимают за исходную модель оппозицию традиционного и современного, понимаемого в смысле «вестернизированного». В контексте этой модели *готовность российского общества к модернизации* оценивается как *частичная*, а все проведенные ранее модернизации как *незавершенные*⁴.

Рассмотрим подробнее некоторые выделенные социологами проблемы человеческих ресурсов современной России, свидетельствующие, с точки зрения классической теории, о незавершенности социальной и культурной модернизации и неадекватности предстоящим задачам.

Во-первых, культура модерни основывается на стабильной научно обоснованной картине мира, которая предполагает существование устойчивых причинно-следственных связей, исторической преемственности, *рациональности* социальных институтов и действий индивидов. «Модернити» предстает как культура Логоса, господства рационального мышления, надления бытия *осознанным смыслом* и формирования на этой основе устойчивых духовно-нравственных ориентиров. С рационализацией мировоззрения в культуре модерни связана и вера в науку, и ориентация на прогресс. Прогресс понимается и как способность человека познавать объективные законы природы и общества и использовать их на общее благо, и как универсальный вектор развития общества, постепенно охватывающий все стороны его бытия и включающий в свое поле все социальные группы.

Исследования, проведенные в России в последние годы, показывают обратные тенденции. Это, прежде всего, растущая «десекуляризация сознания, закрепление в нем иррационально-мифологических представлений в ущерб характерному для эпохи модерна рационализму, опирающемуся на веру в науку, прогресс и самого себя». При этом в последние десятилетия в России постепенно шло и сокращение количества верящих в прогресс среди разных социальных групп, в том числе и среди молодежи, что явно свидетельствует об отходе от ценностей культуры модерна или о незавершенности предшествующих этапов модернизации⁵.

Во-вторых, культура модерна предполагает активную гражданскую позицию индивидов, которые ценят свободу как четко оформленные правила, позволяющие взаимодействовать с обществом и государством, выражать мнение и добиваться индивидуальных целей, а государство рассматривает в качестве гаранта прав и свобод. Исследования ценностных ориентаций россиян показывают, что 60% воспринимают свободу как «волю», то есть возможность быть «самому себе хозяином», а 2/3 опрошенных предпочитают жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы⁶.

В-третьих, для общества модерна характерна классовая структура и наличие у индивидов четких социальных идентичностей *по признаку участия в общественном производстве*, а на этой основе осознание общности интересов с определенными группами. Это позволяет им объединяться для отстаивания своих прав и интересов как перед государством, так и во взаимодействиях с другими группами по интересам, а также формировать институты, предназначенные для отстаивания интересов — профсоюзы, политические движения и партии и т.д.

Социологи, исследующие социальную структуру российского общества, характеризуют ее как остро проблемную, свидетельствующую о незавершенности модернизации, проявляющуюся в слабости социальных

идентичностей. Это выражается в высокой степени социального расслоения, приводящего к разобщенности людей, невозможности сформулировать общие интересы (в рамках различных социальных групп наблюдается большая степень дифференциации подгрупп, возможно, не имеющих общих интересов), а как следствие — в невозможности объединения для их эффективного отстаивания. В этой связи сохраняется потребность в «сильном государстве», которое взяло бы на себя функции выражения общих интересов⁷.

В-четвертых, обществу модерна присуща специфическая профессиональная этика, становящаяся, фактически, стержнем культуры. Ее становление и сущность подробно проанализированы в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и других его менее известных, но не менее значимых работах, вошедших в «Хозяйственную этику мировых религий». Отличие новой профессиональной этики от традиционной состоит в том, что она утверждает не «дух мастерства» в рамках жесткой привязанности индивида к приписанной ему профессии, а «дух профессионализма» как основу самоидентификации личности. Профессиональная и трудовая этика составляют, по М. Веберу, основу рационализации жизненных стратегий индивидов и их интеграции в общество. Элементами профессиональной этики модерна являются самоорганизация и самодисциплина индивида, основанные на рациональном отношении к окружающему и на стремлении к достижению более высоких экономических и социальных статусов. Речь может идти и о внесении личного вклада в прогрессивное переустройство мира. Этой этике соответствуют долгосрочные стратегии занятости, направленные не только на реализацию профессии как призвания, совершенствование мастерства и рост квалификации, но и на постепенный карьерный рост.

Модернизационным преобразованиям вторично-го и догоняющего типа, происходящим в незападных обществах, не имеющих эндогенной профессиональной этики модернистского типа, нередко сопутствует *мобилизационная культура*, основанная на идеологии и политическом курсе правящих элит, которые иногда представляли как попытки «железной рукой загнать» людей в «светлое будущее». Поэтому именно культура модерна породила, наряду с идеями либерализма и прав человека, формальную рациональность, «дисциплинарное общество» (М. Фуко), фордизм, а также тоталитарные идеологии и режимы.

Несмотря на то, что в советский период российской истории за идеологией коммунистического строительства реально стояла как раз мобилизационная и «дисциплинарная» культура, а фордизм в 20-х гг. фактически был адаптирован к советским условиям в качестве модели индустриализации, современные исследования свидетельствуют о незавершенности процессов формирования модернистской профессиональной этики в нашей стране. По данным социологов, от 39% до 57% рабочих в разных квалификационных

группах обладают уровнем человеческого капитала, «не просто низким, но заведомо недостаточным для того, чтобы занимать рабочие места в индустриально развитой экономике»⁸.

При этом, по данным того же исследования, основные жизненные устремления большинства лежат в сфере семьи и личной жизни, а не карьеры и преуспевания, и этим наша культура существенным образом отличается от модернистских культур, например, американской. Но, как считают авторы, в системе профессиональных ценностей россиян «есть тот двигатель, тот внутренний импульс, который, при правильном его понимании и использовании, способен придать невиданную динамичность развитию России... Этот импульс — интерес к самому содержанию выполняемой работы»⁹. Однако, при всей своей значимости, по своему содержанию этот возможный двигатель модернизации все же присущ скорее традиционной, чем современной, профессиональной этике. И, как показало то же исследование, он в российском обществе может сработать не для всех социальных групп, а лишь для высококвалифицированных специалистов.

В заключение отметим еще одну особенность культуры модерна, присущую культурам Запада. Это динамизм, проявляющийся в готовности к риску, в низкой степени «избегания неопределенности» по уже упомянутой методике Г. Хофстеда. Дело в том, что, несмотря на наличие устойчивых ценностных ориентиров и идентичностей, общество модерна порождало гораздо больше рисков для индивидов и социальных групп, чем традиционное общество, поскольку риск воспроизводится многими социальными институтами, обеспечивающими свободу и развитие — рынком, денежным обращением и финансовым регулированием, наемным трудом, научным знанием, политической демократией и т.д.

И проблема состоит в том, что бессмысленно пытаться создать («вырастить») в целях снижения рисков новые, «надежные и устойчивые» социальные институты в силу особенностей протекания самого процесса модернизации, которая представляет собой переход к типу развития, предполагающему *постоянные изменения, заложенные уже в самих социальных институтах*. Известный немецкий социолог, автор теории «общества риска» У. Бек справедливо утверждает, что свойством современных обществ является «модернизация модернизации», *предполагающая постоянные изменения самих основ общества в качестве предпосылки его дальнейшего существования и развития*¹⁰.

Поэтому готовность к риску является одним из важнейших признаков модернизированной общества. Однако именно по показателю «избегание неопределенности», как показывают исследования, россияне демонстрируют наиболее явные отличия от западных стран. Социологи считают, что эта особенность сознания россиян обусловлена потребностью в стабильности и предсказуемости ситуации, сформированной двумя

десятилетиями аномии, постоянно меняющихся условий существования и «правил игры»¹¹.

Представляется, что именно «избегание неопределенности», основанное на закреплённом горьким опытом убеждении, что все перемены могут быть «только к худшему», более всего свидетельствует о неготовности общества к новой модернизации. Но это не только свойство человеческих ресурсов как таковых, но и институциональной структуры общества, отсутствием механизмов осмысления рисков и снижения их бремени для населения. Остальные выделенные социологами проблемы человеческих ресурсов необходимо рассмотреть с позиций иной парадигмы исследования, учитывающей особенности распространяющейся культуры постмодерна.

Состояние постмодерна как новые условия проведения модернизации

Постмодерном принято называть совокупность особенностей современного общества, связанные с формированием нового типа культуры и социальной динамики (Ж. Бодрийяр, Ж. Лиотар, З. Бауман). З. Бауман, определивший характерные признаки социокультурного постмодерна, в последних работах называет его «текучей современностью», в противоположность классическому «твердому» модерну¹². Если считать предпосылкой развития постмодерна рост постиндустриальных, информационных секторов экономики и соответствующих видов занятости, то придется признать, что российское общество пока еще далеко от такого состояния¹³.

Но если мы учтем, что на развитие социокультурных особенностей постмодерна, помимо технологических предпосылок, влияют также культурная и информационная глобализация, а также распространение массового потребления как потребления в большей степени символов, чем объектов, то выше приведенное признание окажется слишком безапелляционным. По нашему мнению, культура постмодерна получила более широкое распространение и глубже укоренилась в российском обществе, чем постиндустриальная экономика, и ставить вопрос о ее влиянии на состояние культуры и человеческих ресурсов не только вполне правомерно, но и необходимо. Кроме того, поскольку целью модернизации является именно развитие современных технологий, наукоемких производств и коммуникаций, то постмодерные черты человеческих ресурсов будут нарастать в соответствующих секторах.

Рассмотрим теперь выявленные особенности российской социокультурной ситуации, охарактеризованные социологами как незавершенная модернизация, в контексте признаков постмодерна. Прежде всего, рассмотрим проблему растущей иррациональности сознания россиян и отказа от веры в прогресс, что свидетельствует, по оценкам социологов, о возврате к традиционному типу культуры. Однако именно фрагментарность мышления и отсутствие сквозной рациональности является *основным признаком постмодерна* как культуры, а также и постмодернизма как философского, социоло-

гического, эстетического направления.

В качестве наиболее значимой причины перехода от «твердого» к «текучему» модерну исследователи признают динамизм современного общества, приводящий к краткосрочности социальных процессов, нарушающий привычные причинно-следственные связи. З. Бауман отмечает: «жизнь в мире» все меньше воспринимается как связанная определенными законами и соблюдающая законы, как логическая, последовательная и кумулятивная череда действий, и становится больше похожа на игру, в которой мир внешний — один из игроков, и он ведет себя так же, как и все игроки, не раскрывая своих карт. Как и в любой другой игре, планы на будущее имеют тенденцию становиться временными и изменчивыми, простираясь не далее следующих нескольких шагов»¹⁴.

В культуре постмодерна, в противоположность модернистской, нет целостной непротиворечивой картины мира, универсальных ценностей, «арочной морали», «больших» идеологий. Сформированное электронными средствами массовой информации и массовой культурой фрагментарное «клиповое» сознание подрывает рациональное мышление, основанное на логике и классических причинно-следственных связях. В такой ситуации современному человеку суждено ориентироваться на ситуативные, кратковременные и единичные решения, делающие его жизненные стратегии сугубо адаптивными, лишенными единого рационального вектора и общего смысла.

Вера в прогресс стала одним из наиболее характерных следствий сквозной рационализации модерна, но, в условиях отказа от последней, она также оказалась подорвана. Большинство современных людей убедились в противоречивости прогресса именно в тех его проявлениях, где он казался наиболее очевидным — в науке, технике, медицине и т.д., развитие которых, вместо ожидавшихся благ для человека, приносит новые риски.

Рациональность и веру в прогресс подрывает и утрата однозначных представлений о желаемом векторе и модели социального и экономического развития. Мир, еще не вышедший из глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и тревожно ожидающий его второй волны, утратил однозначное представление об универсальной пригодности и безусловной функциональности западной социально-экономической модели. В начале 2010 года экономисты и политики все больше говорили о кризисе либеральных ценностей и неприемлемости рынка как *социального идеала*.

Критика либеральных ценностей и порожденных ими образцов общества массового потребления, заведших мировую экономику в тупик, стала одним из распространенных дискурсов, оживляет интерес к стратегиям государственного регулирования экономики. Авторы аналитического доклада «Готово ли российское общество к модернизации?» пришли к выводу, что в современном российском обществе нет единства в интерпретации вектора и основной идеи предстоящей модернизации, а использование западной модели представляется проблематичным в связи с

устойчивой негативной эмоциональной реакцией россиян на слово «Запад»¹⁵.

В условиях постмодерна преобладает представление о «свободе выбора» пути развития, обратной стороной которой оказывается выпадение из цивилизации всех тех, кто к ней «не готов» или «избрал иной путь». Собственно, сама идея догоняющей вторичной модернизации как подтягивания слаборазвитых стран до уровня среднеразвитых, а затем и развитых, распространяемая в середине XX в., утратила актуальность. Вместо этого возникает «глубокая периферия» с ее бедностью и отсталостью, которая становится *системным элементом* глобального мироустройства. Известный современный социолог М. Кастельс ввел понятие «*исключающего развития*», под которым подразумевается постоянное реструктурирование территорий под воздействием логики виртуальных сетей — преимущественно, глобальных финансовых и информационных потоков, приводящее к исключению целых регионов, а также связанных с ними социальных групп, из глобальных взаимодействий и из общего прогресса¹⁶.

Для России вопрос о перспективных и «неперспективных», развивающихся и «депрессивных» регионах был актуален всегда. Но именно в конце XX в., в связи с интеграцией в глобальную экономику и появлением признаков постмодерна, встал вопрос о «нужных» и «ненужных» территориях, о фактическом разделении страны на регионы:

1. которые имеют будущее с точки зрения их включения в глобальное развитие;
2. которые не имеют будущего и обречены стать глубокой периферией.

Аналогично, выделяются социальные группы, которые «способны» модернизироваться, быть активными носителями модернизации и извлекать из нее преимущества, и «не способны» к этому. Авторы исследования, посвященного готовности России к модернизации, выявили формирование таких групп и в нашем обществе. «Фактически, перед страной стоит угроза появления в массовом масштабе в среде рабочих определенного типа личности, которая не просто будет не способна обеспечить на своем рабочем месте процессы модернизации, но и превратится в угрозу для создания благоприятной для человеческого потенциала населения в целом среды проживания в районах концентрации представителей этого типа личности (промышленные центры, села, малые города)»¹⁷ - утверждают авторы указанного исследования.

Описанные тенденции, связанные с утратой единства сознания, картины мира и вектора развития не просто свидетельствуют о незавершенности предыдущих российских модернизаций и неготовности человеческого потенциала к предстоящей. Они должны быть переосмыслены в парадигме постмодерна и получить оценку как реальные риски, с которыми мы в нарастающей степени будем сталкиваться в будущем, поскольку по своей сути они не «пережитки» традиционализма, а признаки постмодерна.

В качестве проблемы современной российской модернизации социологи выделяют несформированность классовой структуры общества модерна и устойчивых идентификаций личности с социальными группами и институтами, а также приоритет идеи социального равенства перед идеей индивидуальной свободы. Рассмотрим эти проблемы в контексте особенностей постмодерна. Здесь многие социологи отмечают тенденцию «*конца социального*»¹⁸.

Она состоит, во-первых, в утрате характерной для общества «твердого» модерна устойчивой идентичности социальных групп на основе общности интересов, а вместе с ней и способности солидарно выступать в качестве субъектов политической жизни. В многочисленных случаях неправовых действий экономических и управляющих субъектов, затрагивающих жизненные интересы людей, они оказываются не в состоянии сплотиться и противопоставить какую-либо консолидированную программу или хотя бы четко сформулировать свои претензии. Такие социальные институты, как профсоюзы, общественные движения и т.д., порожденные «твердым» модерном и сыгравшие большую роль в становлении современного общества, теперь оказываются, по большей части, номинальными, а доверие к ним весьма низким.

Социальные движения приобретают специфическую «текущую» форму, объединяя людей не столько на основе долгосрочных интересов и идентичностей, сколько на короткие периоды для решения конкретных прикладных задач. Политические партии все чаще создаются «под лидера», объединяются не реальными интересами социальных групп, а символами, сохраняющими лишь временную привлекательность для определенных сегментов электората. В нашей стране актуальность описанных тенденций проявляется в показателях гражданского участия, которые не только не растут, но и постепенно снижаются в последние годы. Так, по сравнению с 2003 г. доля респондентов, не участвующих ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, возросла с 56% до 70%, и по этим показателям Россия существенно отстает от стран Европы¹⁹.

Исследователи отмечают рост показателей, свидетельствующих об укреплении индивидуалистических ориентаций. Однако этот индивидуализм имеет очень специфический характер: он связан не столько с социальной самореализацией, установками на гражданскую активность, карьерный и профессиональный рост и т.п., сколько с частными семейными, бытовыми, потребительскими ожиданиями, а также предпочтением личных интересов общественным (коллективным)²⁰.

Таким образом, индивидуализм как качество человеческих ресурсов современной России скорее препятствует модернизации, предполагающей элементы мобилизационной культуры и в любом случае — активизацию социально-экономической деятельности. Индивидуализм такого пассивного, изоляционистского типа скорее соответствует признакам

«индивидуализированного общества» постмодерна (З. Бауман) с его текучими, неопределенными идентичностями, безответственностью и ситуативными жизненными стратегиями, чем активному достижению индивидуализму классического модерна. Традиционный коллективизм в нашей стране преодолевается, но результаты этого преодоления следует оценивать уже с позиций парадигмы постмодерна.

Во-вторых, проблема «конца социального», как показал Ж. Бодрийяр, состоит в утрате ориентации на социальную поддержку незащищенных групп, а значит, на солидарную, объединяющую общество логику универсального развития, о которой мы говорили выше. Социальные государства Западной Европы, явившиеся продуктом модернизации и воплощением ее идеи равенства, в условиях постмодернизации все с большим трудом сохраняют гарантии слабо защищенным группам. Для современной России усиление социальной политики является одной из наиболее значимых задач, о чем свидетельствует отмеченная выше ориентация большинства на социальное равенство в противоположность индивидуальной свободе.

Показательно, что в качестве ключевой идеи предстоящей модернизации респонденты выделили равенство всех перед законом и соблюдение прав человека (41%), непримиримую борьбу с коррупцией (38%) и обеспечение социальной справедливости (31%). Развитие инновационной экономики, свободного предпринимательства и конкуренции выделили, соответственно, 24% и 12% опрошенных россиян²¹.

Таким образом, ориентация на социальное равенство является не результатом незавершенности модернизации, сохранением пережитков традиционализма в сознании людей как желания переложить ответственность за свое благополучие на государство или кого-то еще. Она выражает реакцию на «конец социального» как тенденцию развития постмодерна, которой общество стихийно сопротивляется, стремясь сохранить социальную интеграцию и социальную ориентацию государства как достижения прошедшей ранее модернизации.

Еще одним важнейшим фактором модернизации, выявленным классиками социологии, было становление рациональной профессиональной и трудовой этики. Социологи отметили преимущественно традиционный характер профессиональных ориентаций в современной России, которые объясняют незавершенностью модернизации. Каковы трансформации труда, профессиональной этики и занятости в условиях постмодерна?

Прежде всего, здесь наблюдается отказ от долгосрочных трудовых и профессиональных стратегий, присущих обществу модерна. Этот отказ выражается в высокой мобильности рабочей силы, ориентации на частую смену мест работы, специальности, профессии, готовности мириться с краткосрочной и неполной занятостью. «Лозунгом дня стала “гибкость”, что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным,

сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до “очередного уведомления”»²² - пишет З. Бауман.

Еще одно проявление трансформации модернистской профессиональной этики в современном обществе связано с тем, что оно обеспечивает квалифицированной работой далеко не всех. М. Кастельс говорит о тенденции разделения на «информационных работников» «сетевого общества» и «работников общего типа»²³. К первой, малочисленной, категории М. Кастельс относит высококвалифицированных специалистов, работающих в современных секторах экономики и в сфере коммуникаций, эффективно соединенных в социальные сети, мобильных и легко меняющих свои профессиональные практики в зависимости от требований момента. Их работа носит творческий характер, но, в то же время, и более индивидуализирована.

Важнейшим условием социализации в информационном обществе является не конкретная специализация (виртуозное овладение ремеслом, узкой профессией), а приобретение навыков, способствующих быстрой адаптации к постоянно меняющимся требованиям сети. Это высококвалифицированный эксперт, стремящийся не занять надежную, стабильную позицию в жесткой иерархии, позволяющую использовать одни и те же навыки, выполнять одну и ту же работу длительное время, а, напротив, постоянно меняться самому и менять сферу приложения своих сил. Ему более подходит гибкая система занятости, возможность переходить из проекта в проект, обновляя квалификацию, вид работы, а при этом и наращивая доходы.

Вторая категория трудящихся информационного общества, выделенная М. Кастельсом - неквалифицированные, неподготовленные к гибкой занятости «работники общего типа», которые остаются за пределами наиболее передовых и успешных социальных групп, на их долю остается лишь низкооплачиваемая, непостоянная работа в отстающих секторах производства и бизнеса, в сфере обслуживания. Положение рабочего класса, работников физического и низко квалифицированного труда в информационном обществе постоянно ухудшается не только из-за сокращения количества рабочих мест, но и из-за социального обесценивания их труда. Происходит рестратификация социума не по стабильным и устойчивым объективным классовым признакам, а по условным, меняющимся, субъективным интересам и критериям принадлежности к сети или исключения из нее. Именно такие работники наиболее сильно пострадали от кризиса и именно среди них проявляется наименьшая степень готовности к модернизации.

Пока на российском рынке труда «информационные» профессионалы составляют меньшинство даже в крупных городах, но при этом социальное обесценивание профессионалов «индустриального» типа уже налицо. Оно проявляется, прежде всего, в низком престиже профессий, связанных с материальным производством. По данным социологов, российская

молодежь предпочитает работу в торговле и сфере обслуживания получению рабочих профессий, но не потому, что она дает материальные преимущества, а потому, что воспринимается как более «современная» и «перспективная»²⁴.

Эта тенденция укладывается в логику постмодерна, в рамках которой отчуждение труда получает логическое и практическое завершение. Оно превращает физический и неквалифицированный, любой не творческий труд в проведение времени, за которое платят: человек расходует, предоставляет другому свое время. Он просто «обозначает» свой труд»²⁵. В развитых странах Запада уже в конце 60-х гг. XX в. выявилась тенденция падения трудовой и профессиональной этики. Ж. Бодрийяр писал: «Вся дисциплина труда рушится, все морально-практические нормы, утвержденные за два века промышленной колонизации в Европе, распадаются и забываются, без всяких видимых усилий, без «классовой борьбы» в собственном смысле слова... Работают ровно по минимуму, после чего прекращают и откладывают остальное на потом»²⁶.

Все это очень напоминает трудовое поведение традиционного работника, не прошедшего через длительный период становления трудовой этики модерна. Однако к этому же, как мы видим, приходит постмодернистская культура труда, обусловленная его социальным обесцениванием. Что касается выявленной у некоторых профессиональных групп россиян тенденции ценить содержание работы больше, чем деньги, то она как раз характерна для высококвалифицированных специалистов, ориентированных на профессиональную самореализацию и творчество, что вполне соответствует модели «информационного работника».

Однако распространение ценностей общества потребления и отсутствие четко выраженной связи между качеством и характером труда и размерами вознаграждения приводит в нашей стране к тому, что во всех профессиональных группах отмечается рост утилитарного отношения к работе²⁷. Вряд ли стоит рассчитывать на то, что люди будут продолжать работать лишь из интереса и профессионального долга, как это нередко было в 90-х годах.

Мы видим, что ряд характерных для сегодняшней России признаков «незавершенной» модернизации накладывается на характерные для постмодерна тенденции углубления отчуждения труда в промышленности и сельском хозяйстве, а присущие обществу массового потребления утилитарные ориентации не позволяют их продуктивно преодолевать.

Таким образом, выявленные особенности социокультурной среды постмодерна, с одной стороны, и состояния культуры и социальных отношений в российском обществе, с другой, свидетельствуют о том, что проблемы человеческих ресурсов недостаточно анализировать с позиций утвердившейся в социальных науках бинарной оппозиции «традиционное/современное». Сегодняшняя модернизация протекает в новых условиях, для адекватного понимания

которых необходимо учитывать, что развивающийся постмодерн противоречит многим базовым основаниям модерна. То, что мы привыкли рассматривать как «неготовность» к модернизации, на самом деле является результатом уже свершающейся постмодернизации, поэтому не подлежит «искоренению» как помехи, а является реальным будущим риском, к которому надо быть готовыми.

Новая исследовательская парадигма модернизации в XXI веке

Использование для оценок модернизационного потенциала российского общества традиционных для социологии методик, разработанных в середине XX в., дает неоднозначные результаты, свидетельствующие как о реальной сложности социокультурной ситуации, так и о возможной неадекватности привычной парадигмы модернизации.

Проводимые социологами в конце первого десятилетия XXI в. исследования менталитета россиян с использованием шкалы Г. Хофстеда показывают: в последние годы в России произошли некоторые сдвиги в направлении модернизированных западных культур по таким показателям, как «индивидуализм» и «дистанция власти». Но по «избеганию риска» и уровню «маскулинности» она продолжает сохранять близость к культурам Востока. В целом по интегральной карте ментальных различий Россия заняла промежуточное место, не позволяющее однозначно отнести ее ни к модернизированному Западу, ни к Востоку, а, скорее всего свидетельствующее о ее цивилизационной самобытности²⁸.

Но стоит ли продолжать оценивать состояние культуры и ментальности России с помощью бинарной оппозиции «традиционное/современное» («восточное/западное»), если на самом Западе развитие тенденций постмодерна в последние десятилетия трансформируют базовые социокультурные ориентации модерна? В этой связи уместно напомнить, что исследователи постмодерна еще в прошлом веке характеризовали его как «тотальные антизападные тенденции на Западе», связанные с нарастающим несовпадением экономико-технологических и социокультурных реалий конца XX — начала XXI вв. с ценностями культуры классического модерна.

Современный опыт показывает, что в последние десятилетия наиболее преуспели в модернизации как раз те общества, которые не оценивали себя с позиций «канонических» признаков культуры модерна и где не ставилась задача их прямого копирования. В Китае и других конфуцианских культурах Дальнего Востока именно глубоко «традиционные» свойства, в том числе коллективизм, отсутствие единой рациональной системы мировоззрения, приоритет стабильности перед прогрессом и индивидуальной достижительностью и т.д., позволили совершить быстрый модернизационный прорыв. И парадигма постмодерна, воспринятая восточными исследователями, дает им

■ Человеческий капитал и его роль в модернизации России

возможность в новых условиях переоценить состояние социокультурных ресурсов развития уже не с точки зрения противопоставления «традиционного/эндогенного» — «модернизированному/западному», а с позиций адаптации к реалиям, характерным для современного развития. Основные риски, связанные с развитием человеческого ресурса модернизации России, находятся не в непреодоленном грузе прошлого, а в особенностях динамики будущего.

В связи с этим представляется актуальной методологическая задача скорректировать систему оценки человеческих ресурсов России таким образом, чтобы бинарная оппозиция «традиционного/модерного»

трансформировалась, как минимум, в тернарную модель «традиционность—модерн—постмодерн». Особое внимание следует уделять исследованиям риск-готовности как важнейшей характеристики человеческих ресурсов модернизации, протекающей в условиях развивающегося постмодерна.

Summary: This article considers the specificity of modernization of modern Russia, which is conditioned by development of postmodernity in Russian culture and society. The author comes to the conclusion that the new methodological instruments for human resources of modernization researches are needed.

Ключевые слова

модерн, модернизация, постмодерн, «текучая»
модернити, риск, человеческие ресурсы

Keywords

modern, modernity, modernization, postmodern, liquid
modernity, risk, human resources

Примечания

1. См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — М.: РНИИСИМП, 1994; № 4; Зарубина Н.Н. Социокультурные основы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., ПХГИ, 1998; Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. N.Y., 1966; Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973; Patterns of Modernity. Vol. I, II. N.Y. 1987.
2. Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность, 2001, № 4.
3. См.: Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973; Bellah R. Reflections on the Protestant Ethic Analogy in Asia In: The Journal of Social Issues, January 1963, Vol. XIX, n. 1; Touraine A. Modernity and Cultural Specificities / International Social Science Journal, Nov. 1988, N 118; Singer M. When a Great Tradition Modernizes. N.Y., 1972; Abdel-Malek A. Civilisations and Social Theory. — N.Y.: The Macmillan Press Ltd., Vol. 1., 1981
4. См.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 34, 171, 173.
5. См.: Там же. — С. 104–105.
6. Там же. — С. 60.
7. См.: Там же. — С. 32–37.
8. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 68.
9. Там же. — С. 56.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 16.
11. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 150.
12. См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002; Бауман З. Текучая современность.— СПб.: Питер, 2008; Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион — Русская книга, 2003; Лиотар Ж.-Ф. Ситуация постмодерна. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998; Bauman Z. Intimations of Postmodernity. — L.: Routledge, 1992; Giddens A. The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1990.
13. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 39.
14. Бауман З. Текучая современность.— СПб.: Питер, 2008. — С. 148.
15. См.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 18–20; 158; 169.
16. Капель М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999. — <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>
17. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 63–64.
18. См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. — Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. — М.: Алгоритм, 1997.
19. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. «Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 95.
20. Там же. — С. 148.
21. Там же. — С. 19.
22. Бауман З. Индивидуализированное общество... — С. 29–30.
23. Капель М. Становление общества сетевых структур...
24. См.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 68–70.
25. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — С. 67.
26. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть... — С. 82.
27. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? ... — С. 57–58.
28. Там же. — С. 152–153.